

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИСКРЕДИТАЦИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

© 2022 г. Ф. Т. Ахунзянова

Костромской государственный университет

E-mail: farida.ahunzyano@mail.ru

Поступила в редакцию 11.04.2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются принятые 4 марта 2022 г. поправки в действующее законодательство, предусматривающие административную и уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. По мнению автора, в связи с этими поправками возникает ряд вопросов, требующих научного анализа и обсуждения. Первый из них связан с понятием дискредитации как юридического термина. Законодатель не дает его толкования, между тем это основание объективной стороны правонарушения. Поэтому автор статьи, взяв за основу анализ научной дискуссии и собственный экспертный опыт, предлагает для научного обсуждения определение понятия дискредитации Вооруженных Сил РФ, которым можно было бы руководствоваться в юридической и юрислингвистической практике. Второй вопрос связан с выявлением признаков реализации стратегии дискредитации, в том числе в целях разграничения дискредитации и критических суждений или мнений. Автор полагает, что значительную роль в данном процессе играет лингвистическая экспертиза, поскольку только лингвист может объективно и обоснованно выявить все коммуникативные тактики и приемы, используемые для дискредитации. *Цель:* в рамках внесенных в законодательство поправок дать определение действиям, направленным на дискредитацию использования ВС России, обосновать необходимость лингвистической экспертизы в судопроизводстве по ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280³ УК РФ. *Методы:* эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* 1) предложено для научного обсуждения определение и содержание понятия дискредитации в отношении Вооруженных Сил РФ в целях единого понимания и общего подхода в решении возникающих проблем; 2) подчеркнуты коммуникативная составляющая стратегии дискредитации и преобладающая роль эксперта-лингвиста в выявлении признаков данной стратегии; 3) выделено, что привлечение эксперта-лингвиста позволяет не только объективно утверждать о реализации в том или ином конфликтном материале стратегии дискредитации, но и дифференцировать ее от корректных критических суждения или выражения мнения.

Ключевые слова: статья 20.3.3 КоАП РФ, статья 280³ УК РФ, дискредитация, Вооруженные Силы РФ, лингвистическая экспертиза.

Цитирование: Ахунзянова Ф. Т. Проблема ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в контексте лингвистической экспертизы // Государство и право. 2022. № 7. С. 168–172.

DOI: 10.31857/S102694520019660-7

THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR DISCREDITING THE USE OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC EXPERTISE

© 2022 F. T. Akhunzyanova

Kostroma State University

E-mail: farida.ahunzyano@mail.ru

Received 11.04.2022

Abstract. The article discusses the amendments to the current legislation adopted on March 4, 2022, which provide for administrative and criminal liability for public actions aimed at discrediting the use of the RF Armed Forces in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintain international peace and security. According to the author, in connection with these amendments, a number of issues arise that require scientific analysis and discussion. The first one is related to the concept of discredit as a legal term. The legislator does not give its interpretation, meanwhile, this is the basis of the objective side of the offense. Therefore, the author of the article, based on the analysis of the scientific discussion and his own expert experience, proposes for scientific discussion definition of the concept of discrediting the Armed Forces of the Russian Federation, which could be used as a guide in legal and jurislinguistic practice. The second question is related to identifying signs of the implementation of the discrediting strategy, including in order to distinguish between discrediting and critical judgments or opinions. The author believes that linguistic expertise plays a significant role in this process, since only a linguist can objectively and reasonably identify all communicative tactics and techniques used to discredit. *Purpose:* within the framework of the amendments to the legislation, to define actions aimed at discrediting the use of the RF Armed Forces, to justify the need for linguistic expertise in legal proceedings under Art. 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Art. 280³ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Methods:* empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* 1) definition and content of the concept of discredit in relation to the Armed Forces of the Russian Federation was proposed for scientific discussion in order to achieve a common understanding and a common approach to solving emerging problems; 2) the communicative component of the discrediting strategy and the prevailing role of an expert linguist in identifying the signs of this strategy are emphasized; 3) it is emphasized that the involvement of an expert linguist allows not only to assert objectively about the implementation of a discrediting strategy in a particular conflict material, but also to differentiate it from correct critical judgments or expressions of opinion.

Key words: Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Article 280³ of the Criminal Code of the Russian Federation, discrediting, Armed Forces of the Russian Federation, linguistic expertise.

For citation: *Akhunzyanova, F.T. (2022). The problem of responsibility for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in the context of linguistic expertise // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 168–172.*

В 2022 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», на основании которого в числе прочего устанавливается административная и уголовная ответственность за публичные действия, дискредитирующие использование Вооруженных Сил РФ¹. Отныне впервые подобное правонарушение повлечет за собой ответственность по ст. 20.3.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» КоАП РФ. Такое же правонарушение, совершенное повторно в течение одного года после привлечения нарушителя к административной ответственности за аналогичное деяние, повлечет уже уголовную ответственность по ст. 280³ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» УК РФ.

Очевидно, что объектом санкций в названных статьях являются публичные действия, направленные на дискредитацию. Отметим, что законодатель не поясняет, что именно имеется в виду под термином «дискредитация», оставляя его интерпретацию на откуп органам правосудия. Однако, учитывая то, что содержание юридической терминологии включает в себя обязательный учет лингвистической характеристики слова, выступающего в роли термина, представляется логичным отталкиваться именно от словарной дефиниции дискредитации.

Словарь раскрывает слово «дискредитировать» как «подрывать доверие к кому-, чему-нибудь, умалять чей-нибудь авторитет»². Подобное толкование имеется и в других словарях³. Большой академический словарь предлагает целый спектр понятий, в том числе – «дискредитация, т.е. подрыв авторитета, умаление значения кого-, чего-либо; дискредитирование, дискредитировать – подрывать доверие к кому-, чему-либо, умалять чей-либо авторитет, достоинство, значение»⁴. Таким образом, большинство словарно-справочных изданий сходятся на том, что дискредитация являет собой подрыв доверия и умаление авторитета. Научной общественностью после определенной дискуссии⁵

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь. 1949–1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/105694> (дата обращения: 20.03.2022).

³ См., напр.: Юридический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. М., 2014. С. 134; Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 168.

⁴ Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2006. Т. 5. С. 117.

⁵ См., напр.: Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004; Сиворакиа М. А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 44. С. 452–457; Лисихина М. А. Опыт типологии макро-речевых актов дискредитации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 8. С. 219–225; Карякин А. В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 2. С. 163–167.

¹ См.: СЗ РФ. 2022. № 13, ст. 1959.

также было сформировано общее мнение, которое лучше всего, на наш взгляд, отражается в определении Г.С. Иваненко: «Коммуникативное содержание дискредитации заключается в подрыве доверия к лицу или организации, уменьении авторитета, значения кого- или чего-либо, снижении популярности, позитивной оценки, в формировании негативного отношения, отторжения, неприятия»⁶.

Очевидно, что в контексте указанных выше правовых новелл под публичными действиями, направленными на дискредитацию, должно пониматься распространение информации, подрывающей доверие к целям использования Вооруженных Сил РФ, а именно к тому, что Вооруженные Силы РФ используются для защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Подчеркнем, что сама формулировка «действия, направленные на дискредитацию» указывает на то, что эти действия должны быть целенаправленны, а значит, умысленны. Поэтому под дискредитацией нельзя понимать ни информацию, автор которой добросовестно заблуждается относительно ее истинности / ложности, ни распространение такой информации. Однозначно, это должно быть публичное сообщение заведомо ложной или искаженной информации, преследующее цель подрыва доверия к кому-либо или уменьения авторитета кого-либо, т.е. работающее не столько на создание негативного образа предмета речи в целом, сколько на изменение общественного мнения о нем через подчеркивание отрицательной социальной роли, отрицательного социального статуса и / или влияния предмета речи. Именно такие речевые действия, на наш взгляд, возможно декодировать как реализацию конкретной коммуникативной стратегии – речевой стратегии дискредитации.

Поскольку речь идет о коммуникативной направленности, представляется, что наиболее адекватным инструментом для декодирования дискредитирующей стратегии является лингвистическая экспертиза, в рамках которой эксперт, обладающий необходимыми языковыми знаниями, способен выявить и обосновать все соответствующие коммуникативные тактики, приемы и ходы. Экспертными задачами в этом случае становятся характеристики содержания сообщаемой информации, отношения говорящего к ситуации общения (пресуппозиции речевых актов), целей и ориентированности речевых актов, коммуникативной стратегии, объединяющей эти акты, и т.д. Решая эти задачи, эксперт-лингвист может ответить на следующие вопросы:

1. Имеются ли в представленных материалах высказывания о X?
2. Если да, то содержится ли в этих высказываниях информация, прямо или косвенно формирующая негативную оценку X или каких-либо действий X?
3. Если да, то соответствует ли сообщение данной информации речевой стратегии дискредитации?
4. Если да, то какие языковые средства и приемы указывают на это?

Отвечая на последний вопрос, эксперт-лингвист должен помнить, что средства реализации стратегии дискредитации давно стали предметом пристального внимания

⁶ Иваненко Г.С. Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 4. С. 135.

в ряде исследований⁷. К таким тактикам и приемам относятся, в частности, обвинения, нанизывание отрицательных фактов или последствий с целью нагнетания негативных смыслов; также применяются тактики не прямых оскорблений, навешивания ярлыков, уменьяющих сравнений и др. В публицистике часто используются метафоры с негативной оценочностью, приемы иронии и сарказма. Активно подключаются средства художественной изобразительности, визуальные ряды, особое построение композиционно-логических связей.

В период подготовки настоящей статьи обобщенная статистика судебной практики по ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280³ УК РФ отсутствовала, хотя разрозненные примеры в сети Интернет представлены довольно широко. Обратимся к опыту Костромской области, где с 4 по 31 марта 2022 г. за дискредитацию Вооруженных Сил РФ было составлено и передано в суд 13 административных протоколов, по девяти из них уже вынесены судебные решения, согласно которым виновные жители данного субъекта Российской Федерации получили наказание в виде административного штрафа от 30 000 до 35 000 руб., остальные протоколы рассматриваются.

Например, Свердловский районный суд г. Костромы привлек к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ гражданку *Ш-ву*. В ходе судебного заседания было установлено, что 5 марта 2022 г. гражданка *Ш-ва* вышла на одиночный пикет с плакатом, на котором была надпись «Эта война спецоперация на ваши налоги, а на лечение детей собираем смсками». Надпись имела особенное графическое исполнение: слово «война» было исполнено крупным шрифтом в красном цвете, вниз от букв протянулись подтеки красной краски, создающие иллюзию кровавых подтеков; слово «спецоперация», которое выглядело как исправление слова «война», было исполнено более мелким шрифтом в черном цвете. Решение суда основывалось на показаниях полицейского, который в ходе заседания пояснил, что, с его точки зрения, выделение в надписи слов «война» и «спецоперация» есть призыв к дискредитации.

К сожалению, в рамках судебного разбирательства не был привлечен лингвист. Между тем лингвистические методы исследования, в том числе стилистический анализ надписи, доказывают, что на фоне относительного нейтрального текста очевидно мотивированные шрифтовые и цветовые выделения приобретают прагматическую – в данном случае экспрессивно-выделительную и эмоционально-оценочную – нагрузку. Посредством подобного исполнения происходит смешение смысловых кодов: внимание привлекается именно к слову «война», а «кровавые» подтеки сообщают этому слову отрицательную аксиологическую оценку. Таким образом, конфликтная надпись на плакате есть манипуляционный прием, направленный на дискредитацию целей проводимой Вооруженными Силами РФ специальной операции на Украине.

На наш взгляд, утверждать о наличии признаков дискредитации использования Вооруженных Сил РФ без выяснения всех коммуникативных аспектов в данном случае было как минимум преждевременно. Нет необходимости говорить о том, что и решение суда выглядело бы более обоснованным, если в основе его лежало бы подобное заключение

⁷ См., напр.: Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007. С. 174–298; Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М., 2008. С. 160–176; Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. М., 2007. С. 15–44.

лингвиста, а не субъективные оценки полицейского. Аргументируем это утверждение следующим примером.

На одном из информационных онлайн-ресурсов была размещена анонимная публикация с названием «Студентов КГУ направят на военную подготовку в разгар спецоперации на Украине» (за скобками отметим, что уже сам факт анонимности является одним из косвенных признаков речевой агрессии). Речь шла о Костромском государственном университете, но вместе с тем автор публикации между делом напоминал о сути специальной военной операции на Украине, подчеркивая, что «ее необходимость российские власти объяснили “денацификацией” и “демилитаризацией” Украины, а страны Запада назвали актом вооруженной агрессии». Казалось бы, что информация нейтральна и соответствует официальному курсу государства. Однако показательно, что в высказывании позиция российского руководства представлена в кавычках, в то время как позиция западных государств обозначена прямо, что свидетельствует не о прямом назначении этого графического знака – передаче чужого слова, а о целенаправленном приеме иронии, указывающим на коммуникативную установку автора, – подчеркнуть условность заявляемой властями официальной причины спецоперации и тем самым высмеять ее, противопоставляя прямому трактованию назначения спецоперации со стороны западных государств. Подобный ход, безусловно, никак нельзя отнести к добросовестному заблуждению, поскольку очевидна целенаправленная работа по созданию нужного автору смысла. На основании соответствующего комментария лингвиста-специалиста по факту публикации проводится проверка прокуратурой.

По нашему убеждению, отказ от лингвистической экспертизы или хотя бы от консультации-объяснения специалиста-лингвиста в делах по рассматриваемым статьям может создавать неправомерные прецеденты.

Так, житель Костромской области был привлечен к административной ответственности за плакат с надписью «Нет войне!». Надпись была выполнена в нейтральном графическом оформлении, не сопровождалась какими-либо изображениями. На наш взгляд, такие лозунги сегодня излишне демонизируются: правоохранительные органы зачастую не учитывают тот факт, что термины «война» и «военная операция» имеют общую понятийную составляющую, т.е. значение и того и другого слова отчетливо осознается обычными носителями русского языка одинаково как «вооруженное противоборство». На бытовом, далеком от специализированного, уровне понимания это часто дает основание для отождествления данных понятий. Поэтому в таких случаях необходимо тщательно проверять, с какой целью использовался лозунг. С одной стороны, автор мог подчеркивать несоответствие заявленного властями статуса военных действий на Украине как специальной операции и намеренно определять их как войну, тем самым представляя Вооружённые Силы РФ в качестве агрессора. Но, с другой стороны, это могло быть мнение автора плаката, сформированное в силу того, что он искренне заблуждался, считая военную операцию и войну одним и тем же явлением, а потому протестовал против нее. И в таком случае необходимо учитывать важный момент, настоятельно подчеркиваемый известным лингвистом И. Стерниным: «высказывания, носящие оценочный характер (критическое мнение, отрицательная оценка, если они не носят оскорбительного характера), не являются предметом правового регулирования, т.к. не образуют состава ни уголовного, ни гражданско-правового правонарушения. Каждый имеет право выражать свое мнение,

в том числе и оценивать происходящее»⁸. Эта же позиция, напомним, закреплена и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»⁹.

* * *

Итоги вышесказанного объединяем в ряд положений.

1. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, – это публичное сообщение заведомо ложной или искаженной информации, преследующее цель подрыва доверия к Вооруженным Силам РФ. Целью сообщения такой информации является не столько создание негативного образа Вооруженных Сил РФ в целом, сколько изменение общественного мнения о них, включая искажение в негативную сторону целей, мотивов и способов их действий.

2. От дискредитирующей информации необходимо отличать корректные критические суждения, а также мнения, сформированные или распространенные ввиду искреннего заблуждения коммуникантов.

3. Дискредитация относится к коммуникативным стратегиям, реализация которых отражается в первую очередь на языковом уровне, следовательно, признаки дискредитации наиболее адекватно выявляются в рамках лингвистической экспертизы.

3. Участие эксперта-лингвиста в досудебных и судебных разбирательствах позволяет обоснованно определить конкретные действия лица как реализацию речевой стратегии дискредитации и в то же время избежать вынесения неправомерных судебных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007. С. 174–298.
2. Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2006. Т. 5. С. 117.
3. Иваненко Г.С. Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 4. С. 135.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М., 2008. С. 160–176.
5. Карякин А.В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 2. С. 163–167.
6. Лисихина М.А. Опыт типологии макро-речевых актов дискредитации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 8. С. 219–225.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь. 1949–1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/105694> (дата обращения: 20.03.2022).

⁸ Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. С. 10.

⁹ См.: Росс. газ. 2005. 15 марта.

8. *Осадчий М.А.* Правовой самоконтроль оратора. М., 2007. С. 15–44.
9. *Руженцева Н.Б.* Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004.
10. *Сивораक्षा М.А.* Дискредитация как разновидность конфликтного общения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 44. С. 452–457.
11. Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 168.
12. *Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В.* Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. С. 10.
13. Юридический словарь / под ред. А.Н. Азриляна. М., 2014. С. 134.
4. *Issers O.S.* Communicative strategies and tactics of Russian speech. 5th ed. М., 2008. P. 160–176 (in Russ.).
5. *Karyakin A.V.* The strategy of discrediting as a way to implement speech aggression // Herald of the Volgograd State University. Ser. 2. Linguistics. 2009. No. 2. P. 163–167 (in Russ.).
6. *Lisikhina M.A.* Experience of typology of macro-speech acts of discrediting // Izvestiya of Herzen RSPU. 2008. No. 8. P. 219–225 (in Russ.).
7. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu.* Explanatory dictionary. 1949–1992 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/105694> (accessed: 20.03.2022) (in Russ.).
8. *Osadchy M.A.* Legal self-control of the speaker. М., 2007. P. 15–44 (in Russ.).
9. *Ruzhentseva N.B.* Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse. Ekaterinburg, 2004 (in Russ.).
10. *Sivoraksha M.A.* Discrediting as a kind of conflict communication // Izvestiya of Herzen RSPU. 2007. No. 44. P. 452–457 (in Russ.).
11. Dictionary of Foreign Words. М., 1988. P. 168 (in Russ.).
12. *Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D.L., Shamanova M.V.* Identification of signs of humiliation of honor, dignity, diminution of business reputation and insults in the linguistic examination of the text. Yaroslavl, 2013. P. 10 (in Russ.).
13. Legal Dictionary / ed. by A.N. Azriyan. М., 2014. P. 134 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Baranov A.N.* Linguistic expertise of the text. М., 2007. P. 174–298 (in Russ.).
2. The Great Academic Dictionary of the Russian language. М.; СПб., 2006. Vol. 5. P. 117 (in Russ.).
3. *Ivanenko G.S.* Textual tactics of avoiding legal liability in the implementation of the discrediting strategy // Herald of Nekrasov KSU. 2013. No. 4. P. 135 (in Russ.).

Сведения об авторе

АХУНЗЯНОВА Фарида Тагировна — кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета; 156005 г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17
ORCID: 0000-0002-4610-5241

Authors' information

AKHUNZYANOVA Farida T. — associate Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University; 17 Dzerzhinskogo str., 156005 Kostroma, Russia